

ЦЕНТР ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ: ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 1999 г.*

Президент Б.Ельцин и его окружение

* Материал
подготовлен
сотрудниками
Центра
политических
технологий:
И.М.Буниным,
Б.И.Макаренко,
А.Ю.Зудиным и
К.А.Рославлевым.

Политическое поражение Б.Ельцина в августе–сентябре 1998 г. ослабило его позиции. К этому добавился еще один фактор – ухудшение здоровья президента. В своем нынешнем состоянии Б.Ельцин способен приезжать в Кремль только 1–2 раза в неделю и проводить там не более 2–3 рабочих встреч. Но и этот график нарушается длительными перерывами болезни и полного политического бездействия.

Фактически началось его превращение из «минимального президента», при котором, реально не вмешиваясь в перипетии политического процесса, Б.Ельцин был способен осуществлять общий контроль за его ходом, в «фантомного президента», когда присутствие Б.Ельцина на политической арене ощущается лишь виртуально.

Следует подчеркнуть, что в это состояние президент загнал себя сам, собственной бессмысленной активностью в марте–августе 1998 г., когда разрушил все скрепы, страховавшие режим на случай непредвиденных событий. В сложившейся ситуации у Б.Ельцина уже не осталось политических перспектив (вроде участия в следующих президентских выборах, на что он всерьез надеялся еще в начале года). Он не в состоянии полноценно контролировать правительство и премьера (не говоря уже о возможности его замены), не в силах подготовить себе преемника, не располагает сколько-нибудь эффективными инструментами давления на оппозицию, лишился политической опоры в лице «партии власти» и т.д. Отношение общественного мнения к его фигуре характеризуется уже не столько активным отторжением, сколько усталостью, желанием вообще забыть о его существовании.

Происходившее превращение Б.Ельцина в «президента–призрака» не могло не вести к энтропии власти. Хотя премьер Е.Примаков фактически взял на себя выполнение функций вице-президента, он не мог по конституционным причинам полностью заменить президента. Политическая система лишалась организующего центра, каковым являлся президент, и отдельные ее фрагменты начали вести полувтонное существование.

Президент оставался важным фактором политической жизни, но лишь символически и институционально и только в той мере, в какой это устраивало остальных игроков. Очевидно, например, что реальный запуск процедуры импичмента был бы для оппозиции делом техники. Точно так же не составляло бы особого труда организовать широко-масштабную публичную кампанию за досрочную отставку Б.Ельцина.

Если этого не происходило, то только потому, что досрочные президентские выборы противоречили интересам большей части политических сил и центров власти и чреватые еще большей хаотизацией ситуации в стране.

Для правительства сохранение Б.Ельцина на президентском посту было минимальной страховкой от полной дестабилизации экономической и политической обстановки. Провластным элитам он был необходим, так как они до сих пор не смогли решить, кто же будет его преемником. Оппозиции виртуально присутствующий Ельцин также был выгоден, поскольку это облегчало ей проведение парламентской и президентской избирательной кампаний: оппозиционному электорату всегда мог быть предъявлен живой объект ненависти, а конкурентов можно обвинить в причастности к «антинародному режиму». Видимо, только московский мэр Ю.Лужков полагал, что в условиях его растущей популярности досрочные президентские выборы гарантировали бы ему успех, тогда как их проведение в срок могло бы помешать победе.

Почти никто не хотел торопить события, поскольку установившийся статус-кво устраивал большинство политических сил. Среди основных игроков сложился своеобразный «консенсус инерции», который и может позволить Б.Ельцину относительно спокойно досидеть до 2000 г. Именно этот «консенсус инерции» придавал устойчивость политической ситуации.

Превращение президента в виртуальную фигуру не могло не отразиться и на политических позициях его Администрации. Без реально действующего Б.Ельцина АП обречена на превращение во второстепенный институт. В новых условиях она оказалась неспособной контролировать экономический курс кабинета министров, вести активную региональную политику и т.д. По существу, АП утратила самостоятельную законодательскую и нормотворческую роль (инициирование многочисленных президентских указов – один из главных инструментов ее влияния). Она потеряла также способность быть равноценным партнером во взаимодействии с правительством и Государственной Думой. Политические ресурсы Администрации президента были близки к исчерпанию.

Правда, несмотря на резкое ослабление, АП продолжала выполнять важные политические функции. Во-первых, она страховала правительство от еще большего перекоса влево при кадровых назначениях на ключевые посты. Во-вторых, она выступала ограничителем дальнейшего расширения политического влияния Ю.Лужкова. В-третьих, АП пыталась стать организующим центром для демократических сил, включившись в строительство «правоцентристской коалиции».

Сложившаяся ситуация стала источником глубокого психологического надлома для президента Б.Ельцина. Как политик он фактически лишился самого важного и дорогого – власти. Именно это заставило его прибегнуть к своему «коронному» приему – сломать

привычные правила игры и вновь перетасовать кадровую «колоду». Статус-кво в очередной раз был нарушен, что доказало преждевременность слухов о «политической смерти» президента.

В своем фирменном «кавалерийском» стиле Б.Ельцин объединил два ведомства – Совет безопасности и Администрацию президента, отправил в отставку практически все руководство АП и подчинил непосредственно себе весь блок силовых министерств. Следует, однако, подчеркнуть принципиальное отличие нынешнего маневра президента от его прежних неожиданных ходов, ломавших привычное течение политического процесса. На этот раз дело ограничилось узким сегментом системы власти – тем, что принято называть «президентским блоком».

Решение, принятое Б.Ельциным, преследовало несколько целей:

- убедить общественное мнение, что он политически жив, дееспособен и его рано списывать со счетов. Он напомнил обществу, что является гарантом Конституции, провозгласив своей приоритетной задачей борьбу с преступностью, коррупцией и политическим экстремизмом;

- напугать своих политических оппонентов, а также фрондирующих членов прежней «партии власти»;

- подыскать alter ego в лице Н.Бордюжи, который был бы способен даже в случае длительной пассивности президента осуществлять от его имени эффективный контроль за силовым блоком и шире – за политической ситуацией в стране в целом;

- сократить пространство для политических маневров тех, кто пытается разыгрывать карту досрочных президентских выборов;

- восстановить президентскую вертикаль власти;

- возвести барьер на пути перетекания власти от президента к премьер-министру. Б.Ельцин ясно дал понять, что оставляет за собой контроль за силовым блоком, а для людей, воспитанных в советской системе, именно правоохранительные органы олицетворяют реальную власть;

- выстроив единый блок из силовых структур и замкнув их на себе, Б.Ельцин как бы «подвесил» кабинет и получил возможность вести игру против отдельных его членов. В перспективе этот механизм страха может стать весьма эффективным средством дисциплинирования элиты, причем не только прорежимной;

- потеряв политические рычаги власти, президент решил компенсировать их утрату с помощью военно-административных рычагов.

Тем не менее, и этот прилив политической энергии Б.Ельцина скорее всего будет иметь весьма ограниченный эффект:

- видимость ельцинской активности испарится очень быстро, с очередным попаданием президента в ЦКБ. Надолго президента не хватит, поскольку его рабочий ритм неизбежно остается прежним;

- по той же причине быстропроходящим окажется и приступ страха во властных элитах и в лагере политических противников Б.Ельцина;

- выстроить непроходимый барьер на пути подключения премьер-министра к руководству силовым блоком все равно не удастся: за

решением огромного числа проблем силовым министрам придется напрямую обращаться к Е.Примакову;

- заведомо обречена на провал попытка закрепить лояльность силовых министров исключительно Б.Ельцину. Инстинкт самосохранения будет подталкивать их к тройной лояльности: президенту, премьеру и наиболее вероятному преемнику Б.Ельцина – Ю.Лужкову;

- кадровые перестановки в АП означают резкое ослабление интеллектуального и политического потенциала этого института. Качество экспертного наполнения АП явно деградирует, нарушены сложившиеся механизмы ее взаимодействия с Думой, а способность к самостоятельным политическим инициативам оказывается под вопросом. Конечно, прежнее руководство АП оставляло впечатление усталости и моральной изношенности. В этом смысле можно сказать, что Б.Ельцин избавился от политического балласта. Однако неясно, удастся ли новому руководителю АП восполнить образовавшийся экспертный дефицит.

Подводя итоги, можно констатировать, что Б.Ельцин доказал невероятную жизнеспособность, когда, превратившись, казалось бы, в «политический труп», сумел вновь одним прыжком вернуться на авансцену политической жизни. Но в нынешней ситуации «возврат» Ельцина может быть лишь частичным и неспособен остановить дальнейшую энтропию власти. Это не наступление, а арьергардный бой местного значения.

Фактически Б.Ельцин отказался от стратегии политического *выживания*, предполагавшей сохранение основных компонентов режима после 2000 г., в пользу стратегии политического *доживания*, единственная цель которой – досидеть в президентском кресле до истечения полномочий. Надо отдать должное президенту: сформированная им новая конструкция заставляет с высокой долей вероятности предполагать, что, несмотря на многочисленные препятствия, эту ограниченную задачу ему удастся решить.

Правительство и премьер- министр

Е.Примаков был избран премьер-министром под всеобщий вздох облегчения. Ему доверяют, на него надеются – это в равной степени характеризует отношение к нему как элиты, так и общества в целом.

Деятельность нового премьер-министра за прошедшие месяцы свидетельствует о том, что он постепенно входит во вкус власти и осваивается с ролью фактического вице-президента, заменяющего «невидимого» Б.Ельцина. Жизнь заставляет его все активнее брать на себя президентские функции. Речь уже идет не только об определяющей роли Е.Примакова во внешнеполитической сфере, но и о его готовности санкционировать начало широкомасштабной борьбы с коррупцией, жесткой установке на ограничение своеволия региональных лидеров и т.д.

Но подменяя президента, Е.Примаков проявляет достаточную мудрость и дальновидность, чтобы открыто не демонстрировать свои политические амбиции. Он понимает, что стоит ему обозначить их, как основа «консенсуса инерции» будет разрушена, и он подвергнется атакам

со стороны всех потенциальных участников президентской гонки 2000 г.

Важно отметить, что премьеру удалось выработать собственную схему сосуществования с парламентом и оппозицией. В посткризисной ситуации правительство и Государственная Дума оказались связаны общим интересом – не допустить социальной и экономической катастрофы. Это стало основой для формирования новой «парадигмы согласия», которая строится на иных принципах, чем та, что действовала в период премьерства В.Черномырдина. Тогда согласие между правительством и парламентом достигалось благодаря нависающей тени президента Б.Ельцина. По существу, президент и премьер выступали в роли «злого» и «добраго» следователей, так что Дума выбирала сотрудничество с В.Черномырдиным как меньшее из двух зол. Ответственность за проводимый курс при этом полностью ложилась на исполнительную власть. В новой «парадигме согласия» фактор Ельцина все больше теряет значение, а ведущая роль переходит от правительства к парламенту, который уже не столько выторговывает уступки, сколько пытается диктовать условия. Наконец, ответственность за проводимый социально-экономический курс частично переносится на Государственную Думу и ее крупнейшую фракцию, КПРФ.

За рамками новой «парадигмы согласия» остались весьма разнородные политические силы – от президента Б.Ельцина и радикальных реформаторов до «Яблока» Г.Явлинского, бывших «олигархов» и ведущих СМИ. Это служит свидетельством ее негативной направленности: не допустить реставрации радикального курса и сил, которые за ним стояли. Соответственно, все символы доавгустовского периода последовательно отторгаются, а новая парадигма формулируется на принципиально ином, «государственническом» языке.

Большинство политических сил сходятся в том, что Е.Примаков вполне способен довести страну до парламентских, а затем и до президентских выборов без срывов и серьезной дестабилизации социальной и экономической обстановки.

Подводя итоги первых месяцев деятельности его кабинета, в качестве основных достижений можно выделить следующее:

- Е.Примаков фактически обеспечил преемственность власти в условиях, когда эта задача казалась почти неразрешимой;
- он сумел не допустить экономической катастрофы и не наделать серьезных ошибок в экономической политике;
- ему удалось сформировать кабинет из весьма разнородных элементов, не допустив идейного конфликта между «правыми» и «левыми» и став для них безусловным лидером;
- он в значительной мере дистанцировался от принимаемых экономических решений, возложив ответственность за них на первого вице-преьера Ю.Маслюкова;
- ему удалось также обеспечить себе автономию от сил, которые его сделали премьер-министром, – как от президента Б.Ельцина, так и

от прокоммунистической Думы. Он не воспринимается общественным мнением как «ставленник» КПРФ, а его кабинет не имеет однозначной коммунистической окраски;

- внутри правительства он расставил на ключевых постах преданных ему людей, исключив возможность конкуренции со стороны первого вице-преьера Ю.Маслюкова. Наиболее яркий пример – назначение нового главы Росвооружения, на курирование которым претендовал Ю.Маслюков. Это решение имеет далеко идущие последствия, так как отсечение коммунистов от столь важного финансового источника ослабит им ведение избирательных кампаний;

- премьер продемонстрировал губернаторскому корпусу, кто в доме хозяин, ясно дав понять, что в намерения федерального центра входит выстраивание жесткой вертикали исполнительной власти;

- в обществе сформировалось твердое убеждение, что Е.Примаков является вполне вероятным преемником Б.Ельцина. В настоящее время он имеет самый высокий рейтинг доверия и один из самых высоких президентских рейтингов. В результате за фантастически короткий срок из новоиспеченного премьера он превратился в одного из главных претендентов на президентское кресло.

Вместе с тем в деятельности нового кабинета наблюдались серьезные просчеты:

- критическая ситуация, в которой оказалась страна, требовала быстроты реакции, однако процесс принятия решений в кабинете Е.Примакова, как и во всяком неоднородном кабинете, отличался исключительной замедленностью. Время на принятие серьезных экономических решений было в значительной мере упущено, правительство только осматривалось, а действовал один Центральный банк;

- за прошедшие месяцы кабинету не удалось выработать внятной экономической программы, идея чрезвычайного бюджета была похоронена, подготовка проекта бюджета на 1999 г. постоянно затягивалась;

- наметились серьезные линии напряжения в отношениях между правительством и Центробанком, а внутри кабинета – между Госналогслужбой и Министерством финансов;

- уровень компетентности и профессионализма у нового правительства ниже, чем у предшественников. По кадровому наполнению это явно нереформаторский кабинет, по существу, многие его члены должны сейчас проходить выучку экономическим реформам;

- расширение зоны личной ответственности Е.Примакова в результате фактического совмещения им президентских и премьерских функций лишает послеавгустовскую конструкцию власти необходимого запаса прочности, делают ее менее устойчивой по сравнению с предшествующей моделью, когда функции президента и премьера были разведены не только номинально, но и реально;

- кабинет Е.Примакова не сумел пока договориться с Западом о предоставлении России существенной финансовой помощи;

- на Западе лично у Е.Примакова, да и у всего нового правительства в целом, сложился достаточно негативный образ, который он, правда, активно пытается преодолеть;

- поскольку в отличие от В.Черномырдина Е.Примаков выступает и действует не как «хозяйственник», отвечающий за состояние экономики, а как политик в широком смысле слова, ему еще предстоит найти значимые проблемы и направления деятельности, которые воспринимались бы обществом как его «собственные», контролируемые именно им.

В ближайшее время кабинету Е.Примакова и выработанной им «парадигме согласия» предстоит серьезные испытания на прочность. Голосование в Государственной Думе по вопросу о ратификации договора СНВ-2, прохождение бюджета на 1999 г., реакция депутатов на налоговые законопроекты, принятие которых является необходимым условием нового экономического курса, – все это покажет, насколько далеко готов идти парламент в конструктивном взаимодействии с правительством. Скорее всего новая «парадигма согласия» выдержит эту проверку на прочность, что еще более укрепит политический авторитет Е.Примакова. При таком сценарии его шансы в гипотетической борьбе за президентское кресло вырастут еще больше.

Следует подчеркнуть, что с точки зрения восприятия его фигуры массовым сознанием Е.Примаков занимает исключительно выгодные стартовые позиции:

- он не несет ответственности за прошлое;
- свободен от подозрений в коррупции;
- у него нет явных врагов;
- он не расценивается как западник и не принадлежит к бывшей команде реформаторов, но в то же время не отождествляется с коммунистами;
- ему приписывается высокий авторитет в глазах Запада, а также наличие разветвленных связей во всех структурах власти;
- он воспринимается как надпартийный политический деятель, не принадлежащий ни к левому, ни к правому лагерю.

С таким стартовым имиджевым капиталом перед Е.Примаковым открываются самые многообещающие политические перспективы. Он может позволить себе даже предложить Государственной Думе жесткий бюджет с первоначальным профицитом, добиться ратификации СНВ-2, протолкнуть закон о СРП и т.д. В конечном счете все будет зависеть от результативности экономического курса кабинета. Ответственность за локальные провалы может быть переложена на других членов кабинета или на глав регионов. Но если правительство допустит гиперинфляцию, страх перед которой прочно сидит в памяти людей, то это может подорвать позиции Е.Примакова как в элите, так и в обществе в целом, поставив крест на его возможных президентских планах.

**Государственная
Дума**

Важнейшее изменение, которое произошло с Думой и крупнейшей коммунистической фракцией, состоит в том, что они *перестали быть оппозицией*. Фактически КПРФ превратилась в правящую или полуправящую партию. Она не только может проводить через нижнюю палату любые законы, но у нее в кармане находится отныне ключ и к судьбе президента, и к судьбе правительства. У исполнительной власти не осталось практически никаких средств дисциплинирующего воздействия на парламент, поскольку угроза досрочного роспуска практически исчезла.

Произошедшая метаморфоза до сих пор не осознана не только избирателями, но и партийными активистами и самими депутатами из левого лагеря. Тем не менее это уже начинает становиться для них источником определенного дискомфорта. Упоение силой и ощущение безнаказанности побуждают левых вести себя все более и более «монструозно», примером чему служат антисемитские высказывания генерала А.Макашова, заявление спикера Г.Селезнева о желательности введения каторги, постановление Думы о возвращении памятника Ф.Дзержинскому и т.д. И это при том, что в качестве «правящей партии» левые должны заботиться о своем имидже, подавая себя как «системную» силу.

В результате им приходится решать двойную задачу. С одной стороны, они вынуждены постоянно напоминать избирателям о своей оппозиционности, всячески препятствуя «переползанию» на них ответственности за экономические шаги правительства. Сейчас это особенно важно, так как страна постепенно втягивается в очередную избирательную кампанию. С другой стороны, они не должны ставить палки в колеса кабинету Е.Примакова. Он воспринимается ими как «свой», и другой, более совместимой с ними фигуры, чем нынешний премьер, в высшей бюрократической элите попросту нет. Кроме того, обвинения в деструктивности и провоцировании политического кризиса опасны для коммунистов, так как им необходимо без катастроф дойти до следующих парламентских и президентских выборов.

Учитывая двусмысленность положения, в котором находятся левые, любые серьезные политические и экономические инициативы правительства ставят их перед трудной проблемой: как сохранить видимую оппозиционность, будучи в действительности базой поддержки нового кабинета?

Показательной будет судьба бюджета-99. С высокой долей вероятности можно прогнозировать, что с первой попытки бюджет принять не удастся. В то же время едва ли он будет отвергнут. По аналогии с опытом прошлых лет депутаты скорее всего потребуют создания согласительной комиссии, состоящей из представителей правительства, Государственной Думы и Совета Федерации. Таким образом будут убиты сразу два зайца: продемонстрирована оппозиционность и разделена ответственность с верхней палатой. Однако в отличие от прошлых лет перед левыми стоит другая, не менее важная задача: не рассориться с кабинетом Е.Примакова и не навлечь на себя обвинений в деструктив-

ности. Поэтому вместо жесткой конфронтации нужно ожидать достаточно «мягкого» течения бюджетного процесса.

Именно с этой точки зрения следует рассматривать закрытую встречу лидеров трех левых фракций – КПРФ, аграриев и «Народовластия» – с премьер-министром Е.Примаковым. Фактически речь идет о попытке увести обсуждение бюджета из публичной в кулуарную сферу, которая преследует сразу несколько целей:

- взять инициативу в свои руки и заранее определить рамки бюджетного торга;
- прощупать почву, выяснив, насколько далеко можно идти левым в своих лоббистских требованиях;
- определить правила игры для членов собственных фракций, поскольку если бюджет станет предметом свободного обсуждения в Думе, то оно вполне может выйти из-под контроля партийного руководства и приобрести конфронтационный, если не скандальный характер. Другими словами, левым необходимо минимизировать возможный публичный ущерб от действий собственных радикалов, заранее исключить опасность вероятных эксцессов.

Тем не менее партнерство Думы с правительством, желательное для обеих сторон, имеет определенные границы. Так, кабинет по целому ряду причин не может предложить Думе сверхдефицитный бюджет. В то же время Думе будет непросто согласиться с жестким бюджетом, даже если эта жесткость будет призвана служить всего лишь козырем в переговорах с международными финансовыми институтами. Окончательный вариант бюджета станет показателем того, каково реальное соотношение сил между правительством и Думой, кому в дальнейшем политическом взаимодействии будет принадлежать роль ведущего, а кому – роль ведомого.

Одним из следствий формирования новой «парадигмы согласия» во взаимоотношениях между законодательной и исполнительной властями стало затухание идеи пересмотра Конституции, активно продвигавшейся в разгар кризиса различными политическими силами. Проектов было множество – введение поста вице-президента, учреждение Государственного Совета, избрание президента Федеральным Собранием и т.д. Лейтмотивом всех предложений было перераспределение полномочий от президента в пользу правительства и парламента. Казалось бы, реализация конституционной реформы после политического поражения президента должна была стать более близкой. Однако в результате избрания Е.Примакова на пост премьер-министра обнаружилось, что в новой ситуации заинтересованность в «перекраивании» Конституции резко ослабла. Фигура Е.Примакова временно примирила левых с режимом, дав ему шанс на выживание. Выяснилось, что Государственная Дума вполне комфортно может существовать и без формального усечения президентских полномочий. Бессилие Б.Ельцина и ослабление конфронтации между ветвями власти сделало конституционную реформу политически бессмысленной.

Нетрудно понять, почему в иницировании пересмотра Конституции могут быть не заинтересованы президент и правительство, которым и без этого хватает проблем. Усечение президентских полномочий едва ли привлекательно и для потенциальных участников избирательного марафона в 2000 г. Кроме того, внесение конституционных поправок через Думу и Совет Федерации с последующим утверждением законодательными собраниями регионов представляет собой настолько длительный и трудоемкий процесс, что одного этого достаточно, чтобы охладить пыл самых горячих энтузиастов конституционной реформы. Если какие-то изменения в Конституцию и могут быть внесены, то в несрочном порядке и по второстепенным вопросам. Что касается созыва Конституционного совещания, то оно может иницировать не просто слом нынешнего режима, но всего политического строя.

Еще более важно, что Конституция 1993 г. оказалась достаточно эластичной. Предложения по пересмотру Конституции исходили из того, что она предполагает модель супер-президентской республики и что при слабеющем президенте такая модель, скроенная под Б.Ельцина, будет полностью неработоспособной. Однако послеавгустовский период показал, что нынешняя Конституция является вполне гибкой и может функционировать даже при «минимальном президенте»: каково соотношение политических сил, так она и будет работать.

Можно уже констатировать, что действующая Конституция пережила минимизацию политической роли своего создателя. В 2000 г. ей предстоит пройти более серьезную проверку – тест на переход власти из одних рук в другие.

Совет Федерации

Формирование послеавгустовской парадигмы означало резкое падение политического веса Совета Федерации, который в новых условиях в значительной мере утрачивает роль противовеса Государственной Думе. Кроме того, в лице Е.Примакова главы регионов столкнулись с «последним солдатом империи», к жесткому стилю поведения которого они совершенно не готовы и не знают, как на него реагировать.

По инерции губернаторы попытались действовать так, как они действовали при предыдущих правительствах: шантажировать центр социальными взрывами в своих регионах и прекращением выполнения обязательств перед федеральным бюджетом, перетягивать полномочия и выбивать дополнительные деньги (достаточно упомянуть предъявленное правительству Е.Примакова требование представить график погашения до конца года задолженности по заработной плате в бюджетной сфере). При этом предполагалось, что конкретные проблемы, как и раньше, будут решаться в ходе индивидуального торга центра с каждым регионом.

Однако региональные лидеры совершенно неожиданно натолкнулись на жесткий отпор. Им было заявлено, что нынешнее правительство никому ничего не должно (поскольку исправно выполняет свои обязательства по текущим платежам) и что ситуация, когда федеральный центр

имеет только обязанности, а регионы – только права, продолжаться не может.

Целый ряд факторов будет заставлять региональных лидеров искать новый модус вивенди с Москвой:

- сверхзанятость Е.Примакова, вынужденного выполнять одновременно и премьерские, и президентские функции. Добиться встречи с ним с глазу на глаз будет несравненно труднее, чем с В.Черномырдиным;

- установка Е.Примакова на универсалистские схемы взаимодействия с регионами вместо индивидуального торга. В этом смысле показательно, что он предпочитает встречаться не с отдельными региональными лидерами, а с межрегиональными ассоциациями. Это заведомо лишает губернаторов возможности требовать от премьера привилегий и денежных вливаний, поскольку встречи носят публичный, а не кулуарный характер;

- установка Е.Примакова на строгое соблюдение таблицы о рангах, где лидеры регионов – это чиновники низшего, а представители центра – чиновники высшего уровня. Он явно не намерен терпеть региональную фронду, как делали его предшественники (можно предположить, что губернаторы еще не раз с тоской вспомнят о В.Черномырдине);

- нулевой политической вес вице-премьера В.Густова. Он не пользуется уважением в губернаторском корпусе и не имеет авторитета среди московской бюрократии. Таким образом, у губернаторов не остается и обходных путей для выбивания денег из центра.

Все это свидетельствует о том, что «медовый месяц» во взаимоотношениях правительства с региональными лидерами подходит к концу. Губернаторы поставлены перед неприятным выбором: либо играть по правилам, либо пытаться выживать в одиночку. Примаковский стиль общения, характерный для дипломата старой советской школы, воспринимается ими, привыкшими к ельцинскому фаворитизму, с трудом.

Тем не менее едва ли следует ожидать какого-либо жесткого противостояния между правительством и губернаторским корпусом. Совет Федерации как был собранием местных лидеров, неспособных консолидироваться, так им и остается. Вести атаку на правительство в условиях экономического кризиса опасно прежде всего для самих глав регионов. Е.Примаков является сегодня олицетворением хотя бы относительного порядка в стране, а в нарастании хаоса не заинтересован никто. Нужно также учитывать, что важность союза с центром для региональных лидеров возрастает по мере оскудения казны: чем меньше возможный объем распределяемых средств, тем податливее становятся губернаторы.

Почувствовав это, правительство начало упреждающий нажим на региональную элиту. Им была озвучена идея об отказе от избрания глав регионов и, соответственно, об изменении порядка формирования Совета Федерации. Предлагается перейти от выборности глав регионов

к их назначению федеральным центром с утверждением местными законодательными собраниями.

Реформирование властной вертикали малореализуемо по политическим причинам. Едва ли у нынешнего правительства хватит воли и мастерства, чтобы воспользоваться противоречиями внутри губернаторского корпуса для продвижения подобной реформы.

Тем не менее нельзя недооценивать значение озвученной правительством идеи в качестве средства психологического давления на губернаторский корпус. Она переводит глав регионов из наступательной позиции по отношению к федеральному центру в оборонительную, напоминает им, что они в первую очередь чиновники, вписанные в вертикаль исполнительной власти.

**Политические
последствия
распада
«партии
власти»**

Августовский кризис и превращение Б.Ельцина в «минимального президента» уничтожили прежнюю «партию власти», привели к исчезновению всех ее фракций. Рейтинг самого президента Б.Ельцина упал до микроскопической отметки 1–2%; «молодых реформаторов» смял дефолт; фракция В.Черномырдина была разрушена его неутверждением на посту премьера и последующим отказом от участия в выборах в Ямало-Ненецком округе; только периферийная фракция, олицетворяемая фигурой московского мэра Ю.Лужкова, продолжали уверенно набирать очки.

Впервые за последние годы фигуры и группировки, связанные с властью, полностью размежевались. В прошлом при всех политических разногласиях они были членами одной команды – команды Б.Ельцина. Теперь она перестала существовать. «Партия власти» распалась на несколько островков, политически не связанных друг с другом и объединенных лишь тем, что каждый из них имеет выход во властное пространство. Общий итог для прежней «партии власти» плачевен:

- она не имеет сегодня своего кандидата в президенту;
- практически не осталось фигур, которые были бы связаны с «командой реформ» и сохраняли бы причастность к власти;
- Б.Ельцин перестал быть локомотивом реформ и центром «партии власти», зная реформ обесценилось;
- политики, олицетворявшие прежнюю «партию власти», оказались морально дискредитированы;
- рухнули организационные и идеологические скрепы (система «олигархов» и контролируемые ими СМИ), на которых держалась «партия власти»;
- разрушился неявный социальный контракт между государством и новым средним классом, составлявшим социальную базу режима;
- правительственный курс отныне проводит другая команда, сформированная на ходу из фигур, не привлекавшихся к проведению прежнего курса.

У бывшей «партии власти» не осталось ни организующего центра, ни реальной власти, ни ресурсов, ни свежих людей, ни свежих идей. Ее

политическая регенерация невозможна. Ее осколки находятся сейчас в состоянии броуновского движения, в поиске автономных стратегий выживания. Распавшись, она оставила после себя вакуум, заполнить который пытаются различные ее осколки. В опустевшей нише прослеживаются три попытки перехватить знамя «партии власти».

Первая связана с планом «молодых реформаторов» сформировать широкую коалицию правых сил. Однако хотя члены этой команды могут привлекаться властью как эксперты, они уже никогда не будут востребованы ею именно как «команда». Положение усугубляется неспособностью и нежеланием «молодых реформаторов» признавать свои ошибки. До недавнего времени последним плацдармом реформаторов оставалась Администрация президента (отсюда – поддержка О.Сысоевым идеи создания правоцентристской коалиции). Можно сказать, что правые уцепились за последний оставшийся у них островок власти и пытались вернуться в нее через заднее крыльцо. Но уже ясно, что эта попытка потерпела провал.

Другое направление поиска связано с попытками периферийного клана Ю.Лужкова собрать вокруг себя максимально большое количество осколков бывшей «партии власти». Московский мэр – единственный представитель режима, позиции которого в результате августовского кризиса не ослабли, а окрепли. Возможности для этого были обеспечены автономией его клана от федеральной власти. Кроме того, поскольку августовский кризис привел к политическому низвержению Б.Ельцина и В.Черномырдина, он автоматически послужил «лифтом» для возвышения Ю.Лужкова, занимавшего третью строчку в негласной таблице о рангах. Ни для кого также не секрет, что провал В.Черномырдина был обеспечен прежде всего усилиями московского мэра. Эта победа над бывшим премьером продемонстрировала политический потенциал Ю.Лужкова и принесла ему дополнительные связи и ресурсы.

Из всех политиков, связанных с ельцинским режимом, только Ю.Лужков свободен от груза ответственности за то, что происходило в стране в последние годы. В его распоряжении огромные финансовые ресурсы и контроль над многими ведущими СМИ. Особо следует подчеркнуть его автономию от бывших «олигархов»: он сам выбирает, с кем из них иметь дело. Наконец, столичный мэр имеет один из самых высоких президентских рейтингов, причем его популярность находится сейчас на подъеме.

Уникальность позиции Ю.Лужкова состоит в том, что строительство «партии власти» он пытается вести на базе нового идеологического синтеза. Этот синтез основывается на совмещении советских и постсоветских ценностей, идеале политического центризма, избирательном отношении к курсу реформ (какие-то его элементы принимаются, другие – «приватизация по Чубайсу» – отвергаются), акцентированном патриотизме. Этот комплекс отражает прежде всего личные пристрастия самого мэра, но он хотел бы сделать из него идеологическое знамя для всей «партии власти». Не исключено, что идеологическая

ориентация такого рода могла бы найти широкий отклик в общественном мнении.

До последнего времени в портфеле ресурсов Ю. Лужкова не хватало важной составляющей – партийной организации. Создав движение «Отечество», он попытался восполнить этот пробел, однако предпринятую им попытку партстроительства можно признать лишь наполовину успешной. Уже видно, что новое движение будет действовать по принципу «воронки», засасывая все бесхозные фрагменты партийно-политической системы. Нет также сомнений в том, что оно не будет испытывать недостатка в финансовых и организационных ресурсах.

Вместе с тем обращает на себя внимание, что в орбиту «Отечества» попадают пока преимущественно политики второго разряда и мелкие партии–неудачники. У нового движения отсутствуют контакты с Администрацией президента и Белым домом, губернаторы не торопятся вступать в его ряды, «олигархи» если и решатся на его поддержку, то она будет частичной, с обязательной диверсификацией политических инвестиций. Бывшая «партия власти» в лице НДР не может быть полностью поглощена «Отечеством».

Все это указывает на серьезный ограничитель Лужкова–политика – его периферийное происхождение. Созданная им организационная структура неспособна переварить устремившийся в нее поток ресурсов, поскольку она ориентирована не на привлечение союзников, а на отсеечение чужаков. Поэтому в новом движении пока не видно статусных фигур, присоединившихся к нему «политиков–тяжеловесов». Не случайно главы других регионов с готовностью подписывают с Ю. Лужковым договоры о совместных проектах, но в «Отечество» посылают вместо себя кого-нибудь из заместителей (точно также они поступали в свое время по отношению к черномырдинскому НДР). За Ю. Лужковым они могут пойти только от безысходности.

Третье направление усилий по воссозданию «партии власти» носит латентный характер. Значительная часть прорежимных сил видит сегодня оптимального преемника Б. Ельцина в премьер-министре Е. Примакове, хотя тот не дал пока никаких оснований заподозрить у него наличие президентских амбиций. Именно Е. Примаков является главным потенциальным конкурентом Ю. Лужкова на место лидера от «партии власти». Но это странный конкурент, который не будет активно оппонировать столичному мэру. Очевидно, что до парламентских выборов 1999 г. никто, включая самого Е. Примакова, не будет знать, станет ли он выдвигать свою кандидатуру в 2000 г. или нет.

Все будет зависеть от исхода выборов в Государственную Думу. Если «Отечество» займет второе после КПрФ место при голосовании по партийным спискам и при этом обеспечит себе значительный отрыв от избирательного объединения, занявшего третье место, то Ю. Лужков превратится в безусловного лидера «партии власти». Для этого его движению нужно будет собрать порядка 15% голосов. Тогда Е. Примаков наверняка откажется от попытки баллотироваться в президенты, а самым

системным и привлекательным для разрозненных фрагментов «партии власти» претендентом окажется столичный мэр. По существу это будет означать воссоздание «партии власти» снизу. Тот, кто получит «серебро» на парламентских выборах, превратится в естественного фаворита президентской гонки (по хорошо известным причинам «золото» обеспечено лидеру КПрФ).

Вместе с тем думские выборы 1999 г. являются для Ю.Лужкова фактором повышенного риска: если «Отечество» покажет на них неубедительный результат (скажем, наберет менее 10% голосов), то это может серьезно подорвать его позиции в борьбе за президентское кресло. В этом случае вполне вероятным станет выдвижение Е.Примакова, превращающегося в естественный центр притяжения для подавляющей части прорежимных сил. Парламентские выборы создадут тогда плацдарм для совсем иной «партии власти». Вот почему, прекрасно сознавая тающую здесь опасность, Ю.Лужков развернул в последнее время интенсивную кампанию за проведение президентских выборов не после, а до парламентских.

**Сдвиги на
партийно-
политической
сцене**

Помимо распада «партии власти» важнейшим фактором, определившим эволюцию партийно-политической системы, стало приближение парламентских выборов 1999 г. Почти во всех сегментах политического пространства центробежные тенденции явно преобладали над центростремительными.

Левый лагерь. Политический успех коммунистов в августе–сентябре 1998 г., а также приближение даты парламентских выборов оказали сильное дезинтегрирующее воздействие на весь левый лагерь, традиционно отличавшийся намного большей степенью консолидированности, чем правый. Выделим важнейшие факторы, действовавшие в этом направлении:

- успешный политический реванш всегда усиливает центробежные тенденции, не стало исключением и поведение различных сегментов в левой части спектра после победы в августе–сентябре;

- фактический уход со сцены главного противника (в лице Б.Ельцина) также ослабил стимулы к консолидации левого лагеря;

- известно, что логика пропорциональной избирательной системы подталкивает к обособлению и расколам в отличие от логики мажоритарной системы, подталкивающей к объединению и коалиционному строительству;

- после того, как у коммунистов появился «свой» премьер, им стало труднее удерживать единство в собственных рядах. Появилась еще одна потенциальная линия размежевания: отныне им придется определять свое отношение не только к Б.Ельцину, но и к Е.Примакову;

- идеологические союзники КПрФ получили не слишком много от коалиции с ней в рамках НПСР. Естественно, что сейчас они начинают интенсивный поиск альтернативных возможностей;

• после августовского кризиса весь политический спектр сдвинулся влево, так что у коммунистов и их союзников возникла потребность четче очертить границы собственной идентичности.

КПРФ и раньше была политическим «кентавром»: она выступала непримиримым противником ельцинского режима, но одновременно энергично и с большим аппетитом вращалась во власть. Теперь ноги у «кентавра» разъезжаются все больше и больше: с одной стороны, КПРФ уже как бы и не оппозиционная партия, а с другой, махрово-националистические заявления генерала А.Макашова и выдержанные в духе коммунистической ортодоксии высказывания спикера Г.Селезнева ясно показывают, куда дрейфует часть партии. Поддерживать баланс между статусными и радикальными силами внутри КПРФ в подобной ситуации становится все труднее, что чревато потенциальными конфликтами и расколами. (Так, антисемитские высказывания А.Макашова способны стать еще одним водоразделом, по которому будут определяться избиратели, и это может оттолкнуть от КПРФ даже какую-то часть ее сторонников.)

Неудивительно, что в сложившихся условиях *КПРФ* склоняется к решению идти на парламентские выборы собственным списком. Такая установка вполне рациональна и полностью отвечает как логике пропорциональных выборов, так и логике поведения коммунистов внутри левого лагеря. Своим решением они напоминают союзникам, кто в доме хозяин и что без них никакая левая коалиция в принципе была бы невозможна. *КПРФ* прекрасно понимает, что идти на выборы не под своим названием, а под именем *НПСР* означало бы потерю огромного количества голосов. Само слово «коммунистический» является для массового сознания важнейшим идентификатором. Следовательно, необходимо ограничить ущерб от его возможного использования конкурирующими группами из левого лагеря (В.Анпиловым, В.Тюлькиным и др.).

При этом лидеры *КПРФ* сознают, что их решение идти на выборы под собственным именем неизбежно породит множественность списков. Они уже заявили, что теоретически для них существуют три варианта выступления на выборах в Думу: идти единым блоком левых сил; идти двумя колоннами – коммунистической и аграрной; идти тремя колоннами – коммунистической, аграрной и «патриотической». Тем не менее ущерб от множественности списков будет заведомо меньше, чем при отказе от собственной идеологической идентичности.

НПСР плохо приспособлен для участия в парламентских выборах и скорее всего списка под таким названием не будет. *НПСР* был создан, когда коммунисты натолкнулись на границы расширения своего электората. Им была нужна защитная окраска, более совместимая с окружающей политической средой. Целью было замаскировать свою коммунистическую сущность, обрести более широкую идентичность. Позднее *НПСР* оказался действенным инструментом координации оппозиционных сил на мажоритарных выборах, а также помогал

поддерживать виртуальное единство левого лагеря. На парламентских выборах перед коммунистами стоит прямо противоположная задача: подчеркнуть свою «особость» и главенство в левой части политического спектра. Отсюда и фактический распад НПСР, что может, однако, оказаться временным явлением.

Из всех левых объединений только КПРФ имеет гарантированные шансы на прохождение в Думу. Правда, сейчас у *аграриев* появился новый важный ресурс, который может помочь им восстановить партийную самостоятельность и повысить шансы на успех на парламентских выборах. Речь идет о назначении вице-премьером Г.Кулика, предполагаемом выделении Агропромбанка из группы СБС–Агро и т.д. Таким образом, на следующих выборах аграрии скорее всего не будут испытывать недостатка в финансовых средствах. Однако в борьбе за голоса сельских жителей Аграрная партия будет конкурировать с КПРФ, так что перспектива взятия ею пятипроцентного барьера все равно остается проблематичной. КПРФ будет при этом выгоднее, чтобы аграрии потерпели поражение. В таком случае их депутатская группа в Думе, составленная из депутатов–мажоритарщиков и приданных им коммунистов, вновь окажется в абсолютном подчинении у фракции Г.Зюганова.

Еще ненадежнее позиции мелких коммунистических групп, как радикальной, так и центристской ориентации. Таких групп будет, как минимум, три – РКРП *В.Тюлькина*, трудороссы *В.Анпилова* и более умеренное объединение «новых левых» *В.Семаго*. РКРП аккумулирует догматиков–сталинистов, у них нет лидера–харизматика, отсутствует надежное финансовое обеспечение. Их электоральный потенциал крайне ограничен. Совершенно фантомным представляется объединение *В.Семаго*. Уже можно считать провалившейся попытку спикера нижней палаты *Г.Селезнева* баллотироваться в президенты. После убийства *Г.Старовойтовой* он повел себя настолько неадекватно, что полностью скомпрометировал себя как системного политика. Определенные шансы сохраняются у *В.Анпилова*, но только в том случае, если на выборы со своим списком не пойдет Движение в поддержку армии во главе с *В.Илюхиным* и *А.Макашовым*.

Если движение *В.Илюхина* и *А.Макашова* будет самостоятельно участвовать в выборах, то оно практически наверняка преодолет пятипроцентный барьер, завоевав значительную часть голосов радикального и националистического электората. Хотя *В.Илюхин* уже сообщил о таком решении, не исключено, что его заявление следует рассматривать скорее как шантаж руководства КПРФ. В то же время *В.Илюхин* и ДПА вполне могут стать «патриотической» колонной, о которой говорили лидеры КПРФ, и, следовательно, угрозу противостояния в руководстве коммунистической партии не следует преувеличивать.

Стоит также напомнить, что коммунисты обладают определенным иммунитетом от организационных расколов. Этому противодействует жесткая партийная дисциплина. Немаловажно, что основная часть аппарата контролируется *Г.Зюгановым*. В случае выхода из КПРФ какой-

либо группы подавляющее большинство региональных организаций не пойдет за раскольниками.

Центр политического спектра отличается сегодня явной перенаселенностью. Но по большей части это карликовые партии, возглавляемые неизвестными политиками или политиками-неудачниками. Трудно предсказать, какие из них решатся на самостоятельное участие в думских выборах. Ясно, однако, что это будут политики, заведомо обреченные на провал. По-видимому, большинство центристских группировок окажется так или иначе втянуто в орбиту лужковского «Отечества». В этом смысле стартовые позиции «Отечества» чрезвычайно выигрышны: фактически это единственное мощное объединение, располагающееся в центральной части политического спектра.

Идеологические тенденции последнего времени также во многом «работают» на московского мэра. Антисемитские высказывания А.Макашова, убийство Г.Старовойтовой, решение о восстановлении памятника Ф.Дзержинскому и т.п. спровоцировали ответную кампанию в СМИ. Это способствовало поляризации общественного сознания, восстановлению оси коммунисты/антикоммунисты. Однако общество устало от резкой идеологической конфронтации. В этих условиях перед центристом Лужковым открывается благоприятная возможность подняться над схваткой, дистанцировавшись от радикализма обоих идеологических полюсов и получив за счет этого дополнительные голоса избирателей.

В **правой части** спектра наблюдалось явное доминирование кризисных тенденций. События августа-сентября нанесли тяжелейший удар как по НДР, так и по классическим «правым». Незатронутым осталось только «Яблоко» Г.Явлинского.

Сильнее всего пострадало движение В.Черномырдина *«Наши дом – Россия»*, которое переживает глубокий кризис идентичности:

- оно перестало быть «партией власти»;
- была разрушена идеологическая платформа НДР, ядро которой составляли идеалы стабильности и преемственности власти;
- НДР практически лишилась своего кандидата в президенты;
- после провала В.Черномырдина в Думе он перестал рассматриваться как потенциальный интегратор «партии власти»;
- фракция НДР пустилась на поиск политических кровителей;
- даже после мартовской отставки В.Черномырдина НДР, согласно данным социологических опросов, сохраняло высокие шансы на преодоление пятипроцентного барьера на парламентских выборах. После августовского кризиса его поддержка опустилась ниже критической пятипроцентной отметки. НДР вынуждено искать новое место в условиях резкого снижения своего политического рейтинга.

Поиск возможностей выживания в новой ситуации может пойти по нескольким направлениям.

Во-первых, НДР, вероятно, попытается сохранить политическую непорочность и пойти на парламентские выборы абсолютно самостоятельно. В таком случае его, скорее всего, ждет поражение.

Во-вторых, оно может принять участие в строительстве правоцентристской коалиции. Но шансов на успех подобного предприятия очень мало. НДР и традиционные демократы генетически, социально и лично малосовместимы. Между ними сейчас идет жестокая борьба за место «козла отпущения»: кто же в конечном счете виноват в провале реформ – «молодые реформаторы» или В.Черномырдин? Союз между этими силами был возможен, пока В.Черномырдин оставался главой правительства, а НДР было «партией власти». Сейчас, когда НДР оказалось в той же весовой категории, что и ДВР, препятствий на пути к коалиционному строительству стало больше.

В-третьих, НДР может предложить себя Е.Примакову в качестве базы его организованной политической поддержки.

Наконец, НДР может попытаться влиться в блок столичного мэра Ю.Лужкова. Для черномырдинского движения эта перспектива, по-видимому, выглядит наиболее привлекательно: Ю.Лужков – это «политик–тяжеловес»; «Отечество» больше, чем какое-либо другое объединение, похоже на будущую «партию власти»; между НДР и лужковским движением существует высокая степень совместимости – как социальной, так и идеологической. Переговоры с Ю.Лужковым уже начались, и это дает НДР шансы на выживание.

Возможны два варианта сближения черномырдинского и лужковского движений – организованный исход НДР со всем аппаратом, думской фракцией и региональными организациями или перебежки мелкими группами. Для НДР, конечно, более предпочтителен первый вариант, но он едва ли реализуем. «Отечество» не способно переварить такого «политического слона», каким является НДР. Кроме того, организованный исход черномырдинского движения меньше устроит и самого московского мэра. Не случайно он с порога отверг предложение А.Шохина о равноправном коалиционном сотрудничестве. Стратегия Ю.Лужкова заключается в том, чтобы втянуть НДР в переговоры и подождать, когда оно само начнет разваливаться. Если он и примет НДР под знамена «Отечества», то не в целостном виде, а отдельными частями и только на своих условиях. Для него главная задача – не допустить участия НДР в парламентских выборах с собственным списком, так как из-за этого его движение вполне может недосчитаться 2–3% голосов.

«Яблоко» Г.Явлинского – единственное объединение в правой части спектра, которое имеет гарантированные шансы на прохождение в Думу. После событий 17 августа эти шансы, похоже, еще больше укрепились. Августовский кризис проложил еще одну разграничительную линию в лагере демократических сил, разделив их на причастных и непрichастных к финансовой катастрофе. Этим обстоятельством и будет, по-видимому, определяться электоральная стратегия «Яблока». Нельзя сказать, чтобы репутация Г.Явлинского в последнее время заметно улучшилась: к нему относятся с уважением, но в то же время с большой долей иронии (за грех многословия, нежелание брать на себя ответственность, готовность идти на компромиссы с коммунистами и

т.д.). Но «Яблоку» в ходе августовского кризиса удалось главное – в очередной раз сохранить белизну одежд.

Поэтому Явлинскому нет никакого смысла вступать в союз с другими объединениями и лидерами традиционных демократов. Не говоря уже о личной несовместимости, это может только оттолкнуть коренной «яблочный» электорат. Г.Явлинский не хочет и не может стать интегратором правых сил на уровне лидеров, организаций и активистов. Но это ему и не нужно. Подобно «Отечеству» в нише политического центра, «Яблоку» будет действовать по принципу «воронки» на правом фланге. К нему автоматически будут стекаться голоса традиционного демократического электората, поскольку все остальные вожди – от Е.Гайдара и А.Чубайса до Б.Немцова и С.Кириенко – оказались причастными к августовскому краху. К тому же избиратели не верят в способность других демократических объединений преодолеть пятипроцентный барьер.

Другими словами, уже очевидно, что «Яблоку» будет придерживаться не коалиционной стратегии, а стратегии самоусиления, что вполне соответствует логике выборов по партийным спискам.

Все это ставит *традиционные правые партии* в практически безвыходное положение. Они оказались перед дилеммой: либо идти в младшие союзники к более крупным объединениям, либо попытаться создать правоцентристскую коалицию, поскольку при попытке пуститься на парламентских выборах в самостоятельное плавание любая из них заведомо обречена. Однако политические «тяжеловесы» не горят желанием вступать в коалицию с такими знаковыми фигурами, как Е.Гайдар или А.Чубайс. Практически это не оставляет традиционным демократам другого выхода кроме объединения друг с другом.

О создании правоцентристской коалиции было заявлено ведущими демократическими политиками, и на первом этапе они получили поддержку со стороны Администрации президента. Но затем блок начал разваливаться, еще не родившись. Об отказе от участия в нем заявили многие видные политики. Наиболее чувствительный удар был нанесен отказом С.Кириенко, который все еще пользуется поддержкой определенной части электората и без которого правоцентристская коалиция лишается последних надежд на взятие пятипроцентного барьера.

Тем не менее нельзя недооценивать политического значения попыток по созданию правоцентристской коалиции. Политическое пространство в настоящее время сильно сместилось влево. Активность традиционных демократов помогает хотя бы отчасти скорректировать эту асимметрию, чреватую самыми негативными политическими последствиями.

На фоне активности, развитой на большинстве участков политического спектра, генерал *А.Лебедь*, который так и не превратился в центр притяжения для других авторитетных политических лидеров и партийных структур, оставался достаточно пассивным. Возможно, здесь сказалась его не востребованность в ходе сентябрьского политического

кризиса и общая оторванность от средоточия политической жизни в Москве после того, как он стал красноярским губернатором.

Успехи А.Лебеда в партстроительстве до сих пор малоубедительны, дееспособная партийная организация у него отсутствует, среди его сторонников не прекращаются конфликты. Его недолголюбивают губернаторы, не признают элиты, у него явно недостаточно «политической пехоты».

Достаточно высокий уровень популярности гарантирует объединению генерала А.Лебеда прохождение в Думу. По-видимому, он рассчитывает задействовать на парламентских выборах те же ресурсы, которые помогли ему победить на губернаторских выборах в Красноярске, – собственную харизму, интенсивное присутствие в телеэфире и имиджмейкерские технологии. Действительно, этого может хватить для успеха при голосовании по партийным спискам, но недостаточно в мажоритарных округах.

Таким образом, можно констатировать, что общая диспозиция перед стартом следующих парламентских выборов уже определилась и дальнейшие изменения в ней будут зависеть не столько от усилий самих политических партий и избирательных объединений, сколько от параметров социально-экономической ситуации в конце 1999 г.